

Не в силах больше удерживать мужчину, Ларитта упала плашмя на спину. К счастью, она удержала мужчину от удара головой об пол.

Ларитта уставилась на лицо мужчины, лежащего в ее объятиях. Откинув назад волосы, которые были темнее ночи, Ларитта заметила раны, покрывавшие его загорелую кожу.

Внезапно в голову ей пришла одна мысль.

«Как его имя?»

Она знала его, как герцога, но, как ни странно, не помнила его имени. Как бы то ни было, у нее не должно было быть ни малейшего шанса встретиться с ним в этой жизни и даже за гробом.

Ларитта деловито обошла дом в поисках того, что могло бы согреть его и намочила носовой платок в кипятке. В ее доме были две вещи, которыми она дорожила, кроме картошки. Этими двумя вещами были: ее камин и кресло-качалка. Еще лучше стало, когда она поставила свое кресло-качалку перед камином.

Сидя на этом месте, укрывшись одеялом, Ларитта без труда заснула, потому что кровать, оставленная в этом доме, была не убрана и покрыта плесенью. Ларитта уступила свое драгоценное место этому предателю, потому что она была великодушной. Человек в кресле был погребен под всеми одеялами, которые только нашлись в доме. Чтобы придать ему устойчивость, она положила камень под задние ножки стула.

Его дыхание было неглубоким и нестабильным, поэтому он мог умереть в любой момент. Он потерял много крови и был без сознания из-за низкой температуры тела. Ларитта подошла к нему с нагретым мокрым носовым платком.

«Может быть, я буду не первым мертвецом, который останется в этом доме».

Потратившая последние семнадцать лет на то, чтобы овладеть своим бесстрастным лицом, Ларитта была очень спокойна. Но руки, которые вытирали засохшую кровь с лица мужчины, были довольно нежными.

Поскольку Ларитта сама взяла на себя заботу о предателе, ее можно было считать преступницей. Даже сейчас она могла бы сбежать в деревню и доложить о случившемся, но не сделала этого.

И не потому, что он был ее мужем.

Ларитта была сыта по горло семьями. На самом деле, она ненавидела мужчин еще больше из-за этих, так называемых «мужей».

Ларитта была совсем одна.

- Я этого не делал.

Эти слова были ей хорошо знакомы.

- Я его не крала! Я этого не делала! Граф!

Она плакала в этом старом воспоминании, таком старом, что оно уже не было отчетливым...

Когда в возрасте восьми лет Ларитта появилась в доме графа, на самом деле там был один человек, который был добр к ней. Поразительно, но это был сам - ее отец, граф.

Все взгляды были прикованы к Ларитте, когда она впервые вошла в дом Брумайеров, но граф был единственным, кто не стал осуждать ее. Ларитта верила, что он считает ее невиновной в том, что она родилась.

Но так было не всегда. Он начал действовать против Ларитты, когда Роза и графиня начали оскорблять ее. Он быстро изменил свое мнение о Ларитте, чем больше та противостояла его семье.

Именно тогда, когда Роза намеренно «потеряла» свое ожерелье и обвинила Ларитту в воровстве, граф впервые поднял на нее руку. Несмотря на все, что сделала ее биологическая мать, она никогда не осмеливалась прикоснуться к лицу Ларитты.

Граф ударил ее прямо на глазах у всех и решил, что она виновна.

- Я...

Пощечина!

- Нет, я этого не делала...

Граф снова дал ей пощечину, и Ларитта, совсем еще маленькая, не смогла больше говорить из-за распухшего рта. Но все же, дрожа, она попыталась протестовать еще сильнее.

- Но.. я ... я этого не делала...

- Папа, ты ведь ей не веришь?! Она чертова лгунья! - резко вскрикнула Роза.

Граф кивнул, соглашаясь с ней. Слуги просто стояли и смотрели.

- Тебе нельзя уходить, пока ты не раскошелишься на ожерелье, - сказал он, запирая Ларитту на чердаке.

Ларитта даже не знала, как выглядит ожерелье Розы. Она осталась запертой на чердаке и была освобождена после того, как чуть не умерла от голода. Этот случай стал началом всех несправедливостей в ее жизни.

Поэтому она не могла сообщить о герцоге, который был так похож на нее. Вывод этот был вполне прост.

Ларитта отложила окровавленный носовой платок. Устроившись на ковре, она посмотрела на него.

- Не умирай, - пробормотала Ларитта своим неповторимым чистым голосом. Она накрыла его руки своими. Его загорелая кожа контрастировала с ее бледными руками.

- Я не знаю, через что ты прошел, но ты должен жить. Так что, живи.

Она заговорила с ним и уткнулась лицом ему в колени. Пламя камина согревало тело мужчины, которое было холоднее льда. Ларитта закрыла глаза.

Было темно, и слышно было только потрескивание поленьев. Девушка прижалась к нему всем телом и не сдвинулась ни на дюйм.

Минуту назад Йен Рейнхардт проснулся. Он попытался открыть глаза. Ему было довольно сложно.

Дыхание Йена было неровным. В поле его зрения попал ярко освещенный камин. Было очевидно, что кирпичи были сложены давным-давно, и древний камин был единственным источником света во всем доме.

- А-а?

Как только Йен понял, что сидит в кресле, он попытался встать. Но, когда попытался пошевелить верхней частью тела, то почувствовал неопишуемую боль в животе и не смог сдвинуться с места. Он издал слабый стон. Это место было пронзено мечом.

Даже такое маленькое движение вызвало кровотечение. Йен раздавил бегающих вокруг жутких жуков.

- Мне очень жаль, капитан.

Это напомнило ему о том, как его подчиненный ударил его ножом в спину. Это событие все еще было живо в его памяти.

- Я ничего не могу поделать, так что не надо меня слишком ненавидеть.

- Это...Что ты...

- Тебе не следовало становиться врагом Императорской семьи.

Предательство произошло в конце морской войны, которая длилась уже много лет. Это предательство произошло с ним, герцогом и мастером меча, как раз тогда, когда он собирался вернуться домой.

В этот момент он понял, что кто-то держит его за руку. Когда он посмотрел вниз, то увидел женщину, совсем бледную, лежащую у него на коленях.

Казалось, он уже встречал ее раньше, когда был еще в сознании. Он вспомнил, как назвал ее «няней», когда увидел ее волосы. Честно говоря, волосы у нее, не как у старухи.

Но кто же это был?

Он был предателем, считавшимся мертвым для всего мира. Его положение было опасным, и существовал такой шанс, что эта женщина, в конце концов, донесет на него.

- Стул.

Ларитта вздрогнула и заговорила во сне.

- Мое... кресло-качалка.

На мгновение он почувствовал, как кресло дрогнуло. Действительно, он сидел в кресле-качалке. Он хотел уступить ей место, но не понимал, почему она спит на нем вот так. Здесь не получится спать спокойно.

Едва шевеля пальцами, Йен пробудил ее от глубокого сна, и она открыла глаза.

Они посмотрели друг другу в глаза.

Когда голубые бесстрастные глаза девушки моргнули, Йен уловил отблески огня, который быстро исчез.

Ларитта поднялась. Для нее уже было удивительно, что герцог не умер в одночасье. Честно говоря, она ожидала увидеть труп, когда проснется.

- Слава богу.

Ее облегчение сменилось спокойным вопросом.

- Ты любишь тушеное мясо?

- Что ты сказала?

- Я спрашиваю тебя, достаточно ли ты здоров, чтобы съесть тушеное мясо.

Увидев растерянное выражение лица мужчины, она поняла, в чем дело.

«Ах, мое лицо».

В прошлом, когда кто-то пытался спровоцировать Ларитту – конечно, это была Роза, ей приходилось сохранять невозмутимое выражение лица. Если бы она заплакала, это лишь рассердило бы ее мучителя. Если она будет умолять, над ней станут смеяться. Ларитта научилась быть бесчувственной, потому что, как бы она ни реагировала, в ответ получала только холодность.

После нескольких лет такого обращения, Ларитте стало трудно выражать свои эмоции.

«Что ж, я голодна, так что пойду поем», - подумала она, поднимаясь со стула.

<http://tl.rulate.ru/book/39453/1289750>